

Сырф В.И. Гагаузская народная сказка

Исследователь гагаузского фольклора
В.А.Мошков

Гагаузские народные сказки стали известны широкому кругу читателей в конце XIX- начале XX века, когда появились первые публикации гагаузского фольклора, подготовленные на материале Бессарабии русским этнографом [В.А. Мошковым](#) (Мошков, 1895; Мошков, 1904).

Несмотря на наличие указанных выше публикаций, богатое поэтическое наследие гагаузов долгое время оставалось в целом несобраным и неизученным. Лишь в конце 1930-х годов появилась книга болгарского собирателя и исследователя А.И. Манова, посвящённая гагаузам Болгарии, где были представлены и сказки, наряду с другими фольклорными жанрами (Манов, 1938).

Собиратель гагаузского фольклора
А.И.Манов

В послевоенное время собирание, публикация и изучение гагаузских народных сказок ведутся особенно усиленно. Научные работники, аспиранты, студенты, учителя, писатели, журналисты включились в работу по сбору гагаузского фольклора, в результате чего были изданы сборники, охватывающие и сказочные жанры (Танасоглу, 1959; Zajaczkowski, 1966; Бабоглу, 1969; Чимпоеш, 1997; Чеботарь, 1998 и другие), написана и успешно защищена докторская диссертация по волшебной сказке (Sârf, 2001).

Таким образом, усилия фольклористов в области сказок были в основном направлены на их публикацию. Этот опубликованный материал и записи, хранящиеся в архиве отдела гагаузоведения Академии наук Республики Молдова, лежат в

основе данного исследования.

Для облегчения пользования названия произведений в тексте и в списке источников даны в переводе на русский язык. К текстам даётся полная паспортизация. Ссылки на публикации, вошедшие в «Библиографию...», даны в скобках, где указаны фамилия автора или составителя, год выхода книги или статьи, номера страниц; разные работы отделены друг от друга точкой с запятой.

Сказки о животных

В сказочном эпосе гагаузов сказки о животных занимают важное место. Это один из наиболее древних видов фольклора, многие его сюжеты однотипны у разных народов мира. В животном эпосе переплелись рассказы о происхождении зверей, птиц, о брачных отношениях между животными и людьми, мифы о тотемных животных и тому подобное. Среди гагаузских сказок о животных на первое место выдвигаются тексты, в которых просматриваются мифологические представления народа; далее идут более развитые сказки со всеми специфическими чертами этого вида.

В ряде зооморфных сказок с архаическими элементами использован один из основных признаков мифа - этиологизм, то есть объяснение происхождения отличительных признаков тех или иных объектов, явлений живой природы.

Роль этиологизма прослеживается, например, в сказке «Вол и муравей» (Мошков, 1904: 219). Её содержание сводится к следующему. Муравей хвастается, что поднимает свинцовую пулю величиной с его рост. В ответ вол наступает муравью на поясницу, а тот рассекает топором копыта обидчика. С тех пор у муравья тонкая талия, а у вола раздвоены копыта.

Сказки подобного типа родственны мифам и легендам, в которых объясняются различные природные явления. Об этом можно судить по концовкам таких сказок, как «Жадный ворон» (Танасоглу, 1959: 120): «О замандан беери гаргалар адамдан коркэрлар. Ачан горерлйр, саде „гаа!“, „гаа!“ йапэрлар». («С тех пор вороны боятся человека. Когда видят его, «гаа!», «гаа!» каркают, только и всего».) и «Калина» (Танасоглу, 1959: 122): «Те о замандан кечи куйруксуз, саксанын йаннары биз, казлар да лаф едэмеерлёр, саде гаглээрлар». („Вот с тех пор коза без хвоста, у сороки бока белы, а гуси не разговаривают, лишь гогочат“.)

Всё это свидетельствует о том, что в сказках о животных этиологические концовки приобретают орнаментальность, тогда как в мифе, как известно, этиологизм носит принципиальный характер. Вышеприведённые примеры гагаузских сказок говорят о наблюдательности, остроте мышления, глубине мировосприятия наших предков и их попытках обобщать наблюдения в художественной форме.

Если в мифах, легендах, поверьях и в сказках древнего происхождения животные почитались, то с распадом мифологических представлений звери постепенно становились объектом осмеяния, что отчётливо выразилось в сказках о животных более позднего происхождения. Они иносказательно выражают определённые идеи через конкретные образы и имеют, как правило, поучительные концовки.

С другой стороны, надо выделить сказки, где действуют только животные, и сказки, в которых главными героями являются животные и люди. В свою очередь, они делятся на группы или циклы сюжетов, различаемых по главному герою: 1) о лисе, 2) о волке, 3) о других животных — медведе, зайце, быке, коне и других, 4) о птицах - о вороне, воробье, об орле и других. Все данные циклы весьма разнообразны по сюжетам, и многие из них имеют большое число вариантов.

Сказка "Лиса и горшок"

Лиса является излюбленным героем сказочного эпоса многих народов мира, в том числе и гагаузов. В цикле сказок о лисе линия её поведения намечена достаточно ясно: она изображается как коварный и хитрый хищник, обманщик и подхалим (Мошков, 1904: 213; Гайдаржи, 1987: 28-32).

Наряду с лисой центральным героем может быть и другой зверь (волк, ёж, змея), но все трюки, происходящие, например, с волком в цикле сказок о лисе и в цикле сказок о волке, всегда проделываются одним и тем же героем - лисой (мотив борьбы слабого с сильным). В таких сказках подразумеваются типы хитрых и алчных людей. Для примера возьмём сказку „Лиса и Волк“ (Zajaczkowski, 1966: 131-132). Лиса обманывает волка, сказав, что свой улов рыбы приобрела в запруде, опустив хвост с вершей в воду. Послушавшись её, волк опустил хвост в запруду близ мельницы, но тот примёрз и, когда волк потянул его, чтобы спастись от нагрянувшего мельника, оторвался. Далее сказка развивается по известному сценарию - «битый небитого везёт».

Сюжет ловли рыбы хвостом зверей встречается у многих народов мира, но каждый народ вносит в сказку что-либо своё, национальное. В гагаузской сказке мы встречаем видоизменение сюжета - в конце его лиса приделывает волку искусственный хвост из древесины, после чего волк сгорает целиком, прыгая через костёр. Кроме того, этническая специфика проявляется через название каши из пшеничной муки, поджаренной на масле (bulamaç), унесённой лисой из мельницы.

В гагаузских сказках в основном лиса побеждает, но надо заметить, что есть и сюжеты, где она терпит поражение. Так, в сказках «Лисица и ёж», «Жаворонок, лисица и собака» (Мошков, 1904: 211-213) - везде лису подстерегают неудачи: она попадает в капкан, позарившись на даровщинку; получает по заслугам за то, что хотела прогнать жаворонка с птенцами со своего участка земли.

Некоторые сказки о животных данного цикла имеют кумулятивный характер (Гайдаржи, 1987: 28-32 и другие), но чаще представляют собой рассказы-назидания, где с помощью проделок лисы изобличаются человеческие недостатки: глупость, чрезмерная доверчивость, жадность, неблагодарность. В трактовке образа лисы проявилось стремление народа к социальной справедливости.

Другим циклом, где чаще всего встречается образ, противостоящий лисе и другим животным, является цикл сказок о волке. К нему относятся и те сказки, которые мы рассматривали выше, и сказки, где волк - главное действующее лицо. Например, «Глупый волк» и «Волку лисица и овца» (Мошков, 1904: 208-210), «Волк и овца», «Волк, лиса и осёл» (Чеботарь, 1998: 28-32).

Волк в зооморфных сказках гагаузов выступает как опасный вредитель домашних животных. Отношение человека к волку насмешливо-отрицательное: он представлен сильным, жестоким,

глупым, грубым и жадным. В образе волка показаны отрицательные черты бестолковых, надменных и злобных людей.

Сказка «Голодный волк»

Такое представление о волке у гагаузов появляется после принятия ими христианства, когда он вообще изгоняется из официального культа и превращается в устрашающее пугало, что нашло отражение в многочисленных сказках сатирического характера (Zajaczkowski, 1966: 113-114, 131-132 и другие).

В гагаузских сказках о животных часто животное и человек действуют совместно, и противопоставляются друг другу, хотя человек стоит выше зверей. Например, в сказках «Лиса освобождает человека от змеи» (Мошков, 1904: 215-216), «Путник и змея» (Чеботарь, 1998: 16-19), «За то, что ты спас меня я тебя съем» (Дурбайло, АОГ) человек спасает животных (змею, волка), которые после этого хотят убить его, чему препятствует лиса. В данном случае она выступает как друг человека, она хитроумна, мудра, и тем самым помогает человеку избавиться от врагов.

В сказках «Котаран-бей» (Zajaczkowski, 1966:113-114), «КотМыр-Мыры» (Бабоглу, 1969: 181-185), «Кот Мыр-Мыр» (Чеботарь, 1998: 19-22) кот выступает в союзе с лисой, как владелец, хозяин всего леса, где живут также волк, медведь, кабан. В этих сказках весело высмеивается страх диких животных перед домашними. Данные сказки, видимо, более позднего времени, и поэтому в них уже появляются отзвуки социального расслоения.

Таким образом, в животном эпосе гагаузов основное место занимают сказки, где показана борьба зверей между собой, борьба людей с хищниками.

Сказки о животных невелики по объёму, их композиция проста: редко употребляются традиционные начальные формулы и стереотипные концовки. Они не очень богаты по использованию средств и приёмов фольклорной поэтики, сатирическое изображение главных героев достигается с помощью диалога, иронии, интонации.

Повествование в сказках о животных развивается очень динамично, чему способствуют диалоги. Они вводятся в моменты, когда действие достигает кульминации, благодаря им раскрываются образы зверей.

Для зооморфных сказок характерно поведение животных в реальных человеческих обстоятельствах: животные разговаривают, обманывают, женятся и так далее.

Забавные ситуации, потешные выходки, хитрые проделки - всё это увлекает слушателей в своеобразный мир животных.

В сказках о животных нашли отражение разные национальные формы обращения: 'efendi", "batü", "bey". Животные могут иметь свои имена: Marivka - имя овцы, Kotaran или Mir-Miri - имя кота.

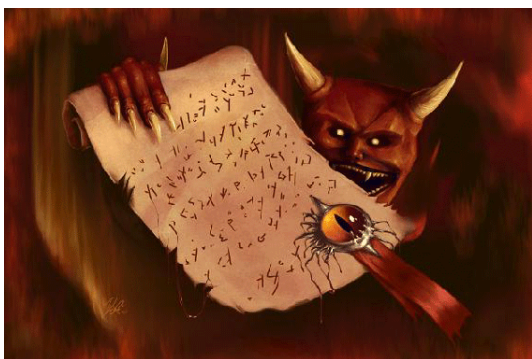
Если продолжить наблюдения над повествованием сказочника, то можно заметить следующее: в его речи слышится юмор, весёлое и лёгкое восприятие сюжета, при диалоге рассказчик применяет народные идиомы, восклицания, междометия, уменьшительно-ласкательные слова, эпитеты и так далее.

Сравнивая сказки о животных, бытующие у гагаузов, со сказками других народов по принципам композиции и художественным приёмам, можно обнаружить много общего. Вероятно, это обусловлено и законами типологии, и тем, что в сказках много заимствованных сюжетов.

Итак, гагаузские сказки о животных разрабатывают различные темы, в которых выражаются народные идеи. Их главными действующими лицами являются дикие и домашние животные, птицы, насекомые. Наибольшей популярностью пользуется лиса, чуть меньше - волк и змея. В сказках животные, как правило, борются между собой.

В животном эпосе гагаузов аллегорически отражена человеческая жизнь с её страстями, алчностью, коварством, глупостью, хитростью и в то же время с дружбой, верностью, благодарностью, борьбой за справедливость.

Волшебные сказки

Сказка "Договор Богородицы с чертом"

Гагаузская волшебная сказка (далее - ГВС) - один из самых древних видов народной прозы. Она сохранила отголоски событий и явлений ранних стадий общественного развития, пронизана высокими идеалами. По занимательности сюжета, увлекательности фабулы, остроте ситуаций, цельности характеров персонажей, красочности повествования ГВС превосходит другие фольклорные виды и

подвиды.

Состав сюжетов ГВС является результатом многовекового развития, сложных и длительных взаимоотношений различных народов, проживавших на территории современных Болгарии, Греции, Румынии, европейской Турции, Молдовы и соседних с ними стран. В ГВС имеется немало сюжетов, параллельных или сходных с сюжетами сказок как соседних с гагаузами народов, так и отдалённых. Часть таких сюжетов носит международный характер, что объясняется универсальным, типологическим развитием фольклора разных народов.

Один из наиболее популярных сказочных сюжетов - сюжет "Чудесные дети", который своеобразно разрабатывает тему невинно гонимых: он повествует об оклеветанной жене.

Всеобщий процесс к моногамии и патриархату имел у каждого народа свои особенности, вследствие чего тема невинно гонимой жены в каждом национальном фольклоре получала самостоятельную разработку.

Например, в турецкой сказке “Падишах и три девушки” (Стеблева, 1986: 293-299) говорится о том, что падишах подслушал разговор трёх сестёр. Каждая хотела стать его женой и хвалилась своим чудесным умением. Падишах женится поочерёдно на всех трёх, но предпочтение, в конце концов, отдаёт младшей.

В сказке европейского типа, в том числе и в гагаузской (Мошков, 1904: 63-64), и в молдавской (Ботезату, 1976: 364-372), сын падишаха или царя женится только на младшей сестре.

ГВС имеет ряд особенностей, образующих её национальное своеобразие. Одни из них складывались веками в соответствии с патриархальными нормами нравственности, с отношениями людей в семье и в обществе. Другие вызваны распространением христианства, сохранением элементов язычества и проникновением восточных элементов сказочной традиции. Третьи характеризуются элементами композиции и лингвистического анализа текста.

Сказочный репертуар гагаузов формировался также путём творческого заимствования. Исследуя процессы заимствования в ГВС, следует учитывать следующее: гагаузы на протяжении длительного времени находились в тесном контакте с народами Балкано-Дунайского региона и Пруто-Днестровского междуречья. Эти контакты обусловили фольклорные взаимосвязи. Так, ряд сюжетов ГВС встречается как у болгар, так и у румын, молдаван, русских: “Победитель змея”, “Марко Богатый”, “Мачеха и падчерица”, “Царевич и серый волк”, “Благодарные животные”, “Чудесные дети” и другие.

Взаимопроникновению сюжетов и мотивов способствовали не только интенсивные межэтнические контакты, но и мобильность вида, большое структурно-типологическое сходство, близость систем образов в сказочных традициях названных выше народов.

Главный герой ГВС - это эстетический идеал народа, в котором он выразил свои представления о прекрасном и возвышенном, свои мечты о счастье, о справедливости, о закономерности победы добра над злом.

ГВС знает разные типы главного героя: герой-богатырь, спасающий людей от чудовищ, защитник рода (Vançu, Çorlan, Miti-Ayi Kulaklı çocuk); невинно гонимые (Küllü Pepelefkü, младшая сестра, падчерица); герой-хитрец (Cücä Todur, Dimitra). Образы главных положительных героев эволюционируют от героико-богатырских к социально-бытовым.

Главного героя в ГВС окружают многочисленные и разнообразные помощники, наделённые волшебными свойствами и способностями:

- а) зооморфные помощники - волк, орлица, конь, собака, бык (вол) и другие;
- б) антропоморфные помощники фантастического характера - встречные богатыри-великаны (Taf-Falayan, Çati-Kivradan, Aaç-Kiran и тому подобные), а также невидимый дух (агар);
- в) люди-помощники - волшебный старик, чудесные женщины, благодарный мертвец, христианские покровители (Allaa, архангелы Mihail, Gavriil, святые), покровительницы святых дней недели (Çarfamba-Babusu, PerŞembä -Babusu, Cuma-Babusu, Pazar-Anasi);
- г) волшебные предметы - волшебная шапка, золотое кольцо или перстень, ручная мельница и многие другие.

При достижении своей цели герою приходится встречать и различного рода противников, врагов, олицетворяющих собой злое начало. Они наделены огромной силой, властью, страшным обликом, такими качествами, как людоедство, обжорство, коварство, вероломство, высокомерие и тому подобное.

В зависимости от происхождения противники главного героя могут быть разделены на две группы: с одной стороны, это фантастические существа мифологического характера (Cadt-Babusu, Dey; Terägöz, Ajder, Balaur, Evrem, rusali, Şeytan, длиннобородый старик-карлик), с другой, отрицательные персонажи, выхваченные из самой жизни и придающие сказке ярко выраженную социальную остроту и сатирическую окраску - падишах, мачеха с дочкой или дочерьми, завистливые братья или сёстры, как правило, старшие и другие.

ГВС противопоставляет их настоящему герою - честному, сильному и бесстрашному человеку, стоящему во всех отношениях выше злых и жестоких, хвастливых и глупых, безобразных и безнравственных сказочных персонажей.

Композиция ГВС в целом однотипна: зачин, эпическая часть, состоящая из завязки, кульминации, развязки, и концовка. Однако заметим, что ГВС часто начинается с присказки, которая к её содержанию никакого отношения не имеет и настраивает слушателей на особый лад, стремясь оторвать их от обыденной жизни и перенести в сказочный мир. Она имеет шуточный характер, отличается ритмичностью и внутренней формой: «Zamanzamandaykana,baçaksamandaykana,tinazkalburdaykana,bânsallangaçtaykana, bobam da dünneedä taa yokkana, Uzun padiçaalnda develär botalarinnan top oynarmıçlar, kliselerdä meieklär sinek gibi uçıçarmıçlar, bir kabak koç kestiynän, bütün memleketin insamm doyrurarmıçlar». (Гайдаржи, АОГ) («Давным-давно, когда колос ещё на стебле был, стог сена в решете был, я в колыбели был, а отца на свете ещё не было, в государстве Уз-падишаха верблюды с верблюжатами мяч гоняли; в церквях ангелы, как мухи летали; зарезав одного безвкусного барана, всю страну кормили».)

Кроме того, в ряде гагаузских версий сказок на международные сюжеты «Три царства», «Звериное молоко», «Хитрая наука», «Чудесные дети» появляется пролог, который подготавливает слушателей к дальнейшему развёртыванию сюжета. Чаще всего встречается пролог, повествующий о бездетных родителях и о чудесном рождении героя, становясь предысторией к сюжету и расширяя его.

Например, в сказке «Чорпан» (Сырф, АОГ) старушка, проглотив комок перекасти-поля, беременеет и рождает мальчика, который затем становится богатырём, побеждает чудовище и освобождает братьев и сестёр.

Отличительной чертой композиции является также и то, что сюжет после, казалось бы, завершения эпической части может иметь продолжение, то есть эпилог, рассказывающий либо о судьбе героя, либо о деяниях его близких: «Çocuklar büümüçlâr da eralti memlekettän aydinmk dünneeyä, pinari kazır, kisa yol uarmıçlar, bir merdiven yolu». (Гайдаржи, АОГ) («Мальчики выросли, и из тёмного царства в светлое, прокопав колодец, сделали дорогу покороче - по лестнице».)

В ГВС используются следующие художественные приёмы и средства: гипербола, контраст, повтор, градация, ретардация, постоянный эпитет и другие. Они способствуют лучшему запоминанию сказки и более точной передаче при пересказе.

Особого рассмотрения требуют традиционные стилистические формулы. Художественно приближаясь к пословицам, поговоркам, прибауткам (обобщённостью мысли, рифмами, ассонансами, ритмом), они в основе своей всё же остаются композиционным средством сказки (См.: Рошияну, 1974).

Различают начальные формулы (присказки, зачины), переходные (медиальные) формулы-связки, соединяющие повествовательные мотивы, финальные (концовки), которые создают в сказке своеобразную «обрядность».

Приведём примеры из ГВС на каждый вид стилистических формул: начальные-«Естек-пестек, eiuää бир костек, ким сеслийер бени - бана ага, ким сеслийер - аннысына дамга». (Гайдаржи, 1981:118) („Естек-пестек, ослу - подножка, кто слушает меня, тот мне старший брат, кто не слушает, на лоб тому клеймо“.), „Bir vakit varmiç, bir vakit yokmuç, her olmaуaуmiç, sôlenmeуseуmiç“. (Колца, АОГ) (“Было-не было, если бы не было, не сказывалось бы”.); переходные - “Uz gitmiçlâr, düz gitmiçlâr, alti ay bir güz gitmiçlâr...” («Прямо шли, ровно шли, шесть месяцев и одну осень шли...»), «Aaz mi, çok mu vakit geçmiç...” (“Много ли, мало ли времени прошло...”); финальные - “Bân dä oradaydim, da keflenip çiktim, ama onnar, lââzim olsun, çindi dä konuçêrlar». («И я там был, и подвыпив, ушёл, а они, должно быть, и сейчас пируют»). «Bân dä oradaydim, da ne gördüm, sizä dä söledim“. („И я там был, и что видел, то вам и рассказал“.)

Наряду с классическими, восходящими к древности сюжетами, в которых сохраняется архаическая лексика (bitki (растение), civan (молодец), sebelâr (доспехи), ajder (дракон), telal (вестовой), onikilâr (свита падишаха), bezirgân (купец), çekelez (белка) и другие) ГВС знает и более поздние, деформированные произведения, где опущены многие детали, особенности традиционного сюжета и преобладает современная лексика, в основном заимствованная (babu (старуха, баба), dädu (старик, дед), тати (мама), kufnä (кухня), fayton (фаэтон), lak tuflî (лакированные туфли), bluza (блузка) и другие).

Показателем современности ГВС служит также её стилистика, в которой просматривается авторское лицо сказочника: в сказке появляются оценочные суждения, выражающие отношение рассказчика к происходящим в ней событиям: «Dädu, zavalli, сап acismdan er kendinä bulamarmiş, ama ne var kolay уарsin bir deli babuуlan?!“ (Колца, АОГ) („Старик, бедняга, от боли в душе места себе не находил, но что можно было сделать с сумасбродной старухой?!“)

Видимо, попытка прокомментировать поведение героев сказки является отражением психологии современного человека, воспитанного на художественной литературе. В целом, заметна тенденция не только к олитературиванию народной волшебной сказки, но и к сближению её с бытовой.

Бытовые сказки

К числу наиболее распространённых видов гагаузской народной прозы относится бытовая сказка. Основанная на социальном и бытовом конфликте, она ближе всего, по сравнению с зооморфной и волшебной сказкой, стоит к реальной действительности, отражая многие существенные стороны общественной жизни, рост человеческого сознания, эволюцию народного мировоззрения.

По идейно-художественным особенностям бытовые сказки гагаузов можно условно разделить на следующие основные группы: а) сказки-загадки, б) сказки о дураках, о ловких ворах, об одурачивании, в) семейно-бытовые сказки.

Сказка "Невоспитанная семейка"

Однако множество сюжетов данных групп иллюстрирует их близость к притче, анекдоту или к волшебной сказке. Часто повторяются одни и те же приёмы изображения глупости героев, порой полностью совпадают сюжетные звенья, повторяются одни и те же действия и поступки. Видимо, это совпадение не случайно, а является следствием процесса взаимосвязей и взаимодействия сказки, анекдота и притчи.

Одним из распространённых типов сюжетов бытовых сказок является сказка-загадка. Поэтическая структура этой разновидности сказок характеризуется единым композиционным приёмом - загадывания и отгадывания, на котором выстраивается весь сюжет.

В сказках-загадках обобщаются народные представления о мудрости, они имеют нравоучительный и назидательный характер. В одной из них (Гайдаржи, 1981: 106- 108) старец просит пятерых сыновей растолковать ему смысл рассказанной им истории одного дуба, но никто из них не нашёл ответа. Тогда отец и говорит им: «Генчсиниз таа, онуштан да башыныза душмеди бу масал. <...> ...онун маанасыны: даа бүүк фиданнарлан - о бизим мемлекетимиз, фычы - бир айлы (чунку, фамилия, семья), догалар бизиз, чемберлйр - бирлик хем аннашмак, шарап сайды - севинч хем мутлу, кысметли йашамак“. („Вы молоды ещё, потому и не поняли эту сказку. <...> ...её смысл: лес с могучими деревьями - это наша страна, бочка - это семья, клёпки-это мы с вами, обручи - это союз и согласие, вино же - это радость и счастливая жизнь“.)

Произведение имеет краткое содержание и лаконичную мысль, сюжет его не развит в ситуациях, не осложнён конфликтом, а ограничивается воспеванием мудрости и нравственных качеств, в его основе лежит иносказание.

В сравнении с предыдущей более сложной представляется композиция сказки „Остроумная девушка, дающая загадочные ответы“¹ (Мошков, 1904: 181-182). Она более реалистична, включает в себя много бытовых деталей, привязывает место действия к определённой местности. Текст сказки состоит из нескольких последовательно развивающихся эпизодов.

Сын падишаха ищет себе невесту, находит её в лице дочери вдовы. Девушка разговаривает с сыном падишаха загадками, но их разгадывает падишах, и в результате он женит сына на бедной, но умной девушке.

Такая композиция способствует объёмному, выпуклому воспроизведению образа главной героини, передавая моральные качества человека из народа, свойства его ума, мировоззрения.

Конфликт построен на несовместимости жизненных позиций, выраженных в словесном единоборстве.

Поэтика гагаузской сказки-загадки определена следующими чертами: а) связью с условной иносказательной речью, б) социальными условиями в прямом и иносказательном проявлении, в) присутствием одновременно сказочно-эпического и реалистического повествования.

Диалог в сказках данного типа несёт скрытый смысл, отсюда возникают аллегории, метафоры, алогизм, контрастность и так далее. Отметим при этом, что в основе алогизма лежат умные и ловкие ответы.

Сказка-загадка, таким образом, в системе бытовых сказок гагаузов представляет один из основных типов сюжета, основанный на состязании умов.

В составе гагаузской бытовой сказки различаем далее обширную группу сюжетов, которую определяем как сказки о дураках, о ловких ворах, об одурачивании (о лжецах). Объединяются данные сюжеты благодаря структуре построения, однотипности героя, повторяемости основной ситуации - обмана, одурачивания.

Сюжеты о дураках представляют собой особую разновидность. Они группируются как по характеру основного героя, так и по его поступкам и ситуациям, связанных друг с другом в последовательную цепь.

В подобных сказках своеобразная логика героя-дурака основывается на алогизме. Его наивность, неприспособленность к жизни приводят к смехотворным ошибкам. Характерна в этом плане сказка „Муж-домохозяйка“ (Бабоглу, 1969: 211-214). Суть её в том, что, имея самые благородные побуждения, дурак совершает действия, сопровождающиеся комическим эффектом.

Жена поручила мужу следить за хозяйством, и в частности за гусыней, но тот упустил её из погреба, забыв налить воды, в итоге он был вынужден сесть на яйца, чтобы те не остыли, пока гусыня вернётся, по „разумению“ дурака.

Глупость героя движет развитие сюжета. Сказку отличает живость изложения, которое завершается неожиданной концовкой комического характера.

В группе сказок о дураках „Delicä“ (Baboglu, 1997: 23-27) представляет собой ещё одну разновидность. В основе её лежат действия героя, также построенные на алогизме. Однако данная сказка отличается большим количеством эпизодов, включающих и традиционные мотивы, и мотивы волшебных сказок, сказок о животных, и такой поворот событий, когда дураку везёт, он не только теряет, но и находит что-либо ценное для жизни.

Народная фантазия гагаузов сложила не только сказки с определённой идеей и структурой, но и устойчивые представления об этом образе, воплотив их в прозвище («Delicä» с гаг. безрассудный, сумасбродный), подобно русскому «Ивану-дураку», турецкому «Keloglan» и другим.

По общему содержанию и финалу сказки о дурне можно понять, что глупость в народе не почитается: брат-дурак, несмотря на то что судьба несколько раз сулила ему удачу, не только не сумел этим воспользоваться, но и чуть было не опозорил всю их семью перед людьми: чуть было не сорвал поминки по матери, к которым готовились братья.

Сказка "Конокрад и Святой Николай"

Перейдём далее к рассмотрению сказок о ловких ворах, в основе которых лежит изощрённое умение, хитроумная изобретательность.

К сюжетам сказок о ловком воре можно отнести произведения «Ловкий парень» (Мошков, 1904: 132-133), «Парень учится воровству» (Мошков, 1904: 136-137) и другие.

Гагаузские сказки о ловких ворах, как и аналогичные им у других народов, высмеивают глупость, недалёкость и прочие отрицательные

качества антипода героя.

Так, например, в сказке «Ловкий парень» мы наблюдаем, как герою удалось украсть у встреченного им путника козла, прибегнув к хитрости: он поочерёдно выставлял на дорогу по сапогу, и пока путник собирал их, увёл добычу.

В другой сказке - «Парень учится воровству» - герой уносит рубаху пастуха, когда тот позарился на серебро, которое подбросили ему.

Как видим, воровство и одурачивание могут легко переходить из одного качества в другое. Остановимся подробнее на сказках об одурачивании, бытующих у гагаузов достаточно широко.

С большим юмором обрисованы в сказках гагаузов хитрецы и плуты. Часто такие сказки получают ярко выраженный сатирический характер. Одним из главных персонажей сказок об одурачивании является Kösä (Безбородый). С ним происходят разные истории, и он сам активно устраивает всяческие проделки, добываясь для себя благополучия, лучшей жизни и при этом наказывая других героев сказки за жадность, глупость и прочие человеческие недостатки (Мошков, 1895: 80-83; Мошков, 1904: 111-113).

Иногда выражается отрицательное отношение к Kösä из-за его плутовства (Zajacz-kowski, 1966: 128): он проигрывает юноше в состязании по рассказыванию небылиц.

В бытовых сказках гагаузов особое место отводится теме духовенства. В ряде текстов используется приём одурачивания, служители культа выглядят в них комическим образом: «Причетник, умерший четыре раза» (Мошков, 1904: 151-152), «Проделки мошенника с попом» (Мошков, 1904: 158), «Чей сон лучший» (Бабоглу, 1969: 231-233) и другие.

В сказке о причетнике разоблачение святости дьячка обнажает его разврат, пошлость, бесстыдство. В сказках о попе перед нами вырисовывается беспредельная глупость, убожество, ложное чувство собственного достоинства святого отца. Какой бы сюжет мы ни рассматривали, в каждом из них раскрывается какая-либо черта характера священника и других духовных лиц. Как правило, они невелики по объёму и перекликаются с анекдотами.

Семейно-бытовые сказки гагаузов частично затрагивались при рассмотрении сказок о дураках. Это одна из больших разновидностей бытовой сказки, так как тематика её

многообразна. Касаясь общечеловеческих пороков и недостатков, такие сказки дают им свою оценку, показывая высокие моральные качества и нравственный идеал народа.

Типичны в этом плане сказки: “Лучше иметь хорошую жену, чем богатство” (Мошков, 1904: 56-57), “Кто не работает, пусть не ест” (Мошков, 1904: 185-187), “Сказка про деда и бабу” (Бабоглу, 1969: 121-124), “Трусливый охотник” (Чеботарь, 1998: 39-42), “Бестолковая жена” (Чеботарь, 1998: 173-175) и другие.

В ряду юмористических сказок, высмеивающих женские и мужские пороки, находятся и сюжеты о женской лени, о женском любопытстве. Так, в одной из таких сказок, “Про ленивую жену” (Колца, АОГ), рассказывается о том, как жена обленилась до того, что ходила в рваной одежде, пока не понадобилось ехать на свадьбу в соседнее село.

Муж решил проучить жену за её безделье и неряшливость: вместо того чтобы принести ей платье от матери, он попросил приготовить большую белую курицу, так как по гагаузскому обычаю все гости на свадьбу приходят с караваем и с варёной курицей поверх него. Жена, ожидая платье, кинула в горящую печь свои обноски, оставшись совершенно голой.

Муж предложил жене закрыться ... в бочке и отправиться на свадьбу таким образом, чтобы та могла через отверстие в бочке наблюдать за праздничным действием, Но увы! - бочка развалилась, и жена предстала перед всем честным народом в чём мать родила. Однако с тех пор она избавилась от лени.

Подобные сказки, как правило, содержат назидательный, морализаторский оттенок. Не менее поучительны юмористические сказки с сюжетами о женском коварстве. Лёгкий добродушный юмор придаёт им характер весёлой и забавной шутки (Чеботарь, 1998: 191-194).

В группе семейно-бытовых сказок встречаются и произведения на тему измены супругов, неверности жены, семейного разлада: “Человек, которого жена выгнала из хаты” (Мошков, 1904: 156-157), “Невестка и деверь” (Дурбайло, АОГ) и другие.

Неверность жены, к примеру, высмеивается с юмором и иронией в сказке “Любовник хозяйки и работник” (Мошков, 1904: 159-160). Поп нанимает работника, который в отсутствие хозяина ежедневно приходит к попадье для исполнения поручений и становится активным соучастником в её разоблачении. Работник совместно с попом подстраивает всевозможные комические ситуации, разоблачающие неверную жену.

В начале сказки работник, явившись к попадье, закладывает дрова в печь, в которой спрятался любовник. Комизм ситуации в том, что дров было заложено столь много, что дьяку деваться уже некуда.

В другой раз работник расстроил свидание любовников, когда пробил поленом голову дьяка, найдя того скрывающимся на чердаке. Наконец, работник одурачил не только любовников, но и хозяина, разыграв его на пашне с помощью шуток и остроумия.

Данный сюжет типичен для рассмотренной ранее группы сказок о дураках и об одурачивании. Комизм его усиливается к развязке произведения, которому в целом сопутствует

чёткость композиции, динамизм, диалог героев, острые драматические ситуации. Смех лежит в основе повествования и создаёт особую атмосферу сказочного вымысла.

Подытоживая вышесказанное, следует отметить следующее. В гагаузском народном эпосе нет чётких, полностью определившихся границ и различий между видами и жанрами. Об этом свидетельствует, например, наличие в составе волшебных сказок богатырских и легендарных, а также промежуточных сказок между волшебными и бытовыми, с одной стороны, между волшебными и зооморфными, с другой стороны (Ботезату, 1983: 248-249, 254-257. В последнем случае - ещё один пример кумулятивной сказки.).

Заметим также, что при заимствовании эпического текста часто происходит жанровое „смещение“: произведение героического или романического эпоса у гагаузов обычно приобретает черты сказки или полностью переходит в неё. Следовательно, дастан как жанр фольклора нетрадиционен для гагаузов и встречается, как правило, в тех районах их современного проживания (Северный Кавказ, Средняя Азия и Казахстан), где имеются контакты с народами, для которых свойственна дастанная традиция. У гагаузов же в целом намного сильнее развиты традиции сказочного эпоса, нежели дастанного.

Распространению и сохранению сказочного творчества среди гагаузов способствовал, прежде всего, кочевой образ жизни их предков. Чабаны, уходя на дальние пастбища или оберегая ночью стада, скрашивали свой досуг сказками, песнями, легендами. Любимым развлечением сказки были и позднее, когда кочевники осели на Балканах. На посиделках происходил как бы обмен сказками, бытующими в разных местах проживания. Всё это благоприятствовало скрещиванию и размножению различных сказочных сюжетов, вместивших в себя элементы тюркской, славянской, романской фольклорных культур.

В настоящее время гагаузская народная сказка, сохраняя своё эстетическое и воспитательное значение, продолжает живое бытование, то есть этнографы и фольклористы в значительной мере ещё могут фиксировать естественные фольклорные процессы и явления.

Библиография

Бабоглу, 1969 - Гагауз фольклору / Собр. и сост. Н.И. Бабоглу. Кишинёв, 1969.

Ботезату, 1976 - Повешть фантастиче / Ал к., артик. ынтр. ши ком. де Гр. Г. Ботезату. Кишинэу, 1976.

Ботезату, 1983 - Фрумос е ла шезэтоаре / Едиц. ынгриж. де Гр. Ботезату, Н. Бэешу. Кишинэу, 1983.

Гайдаржи, 1981 - Гайдаржи Г. А. Гагаузский синтаксис. Придаточные предложения союзного подчинения. Кишинёв, 1981.

Гайдаржи, 1987 - Гагауз дили. Ууренмйк кийды 8 класс ичин / Хазырл.: Гайдаржи Г. А., Колца Е. К. Кишинёв, 1987.

Гайдаржи, АОГ - Ванчу в подземелье. Архив отдела гагаузоведения Академии наук Республики Молдова (далее - АОГ АНМ). Вулканештский р-н, с. Дерменжи, 1960. Информ. К.М. Дерменжи, 46 лет. Запись Г.А. Гайдаржи.

Дурбайло, АОГ - За то, что ты меня спас, я тебя съем. АОГ АНМ. Комратский р-н, с. Конгаз, 1988. Информ. М. И. Сабийа, 84 года. Запись М. А. Дурбайло.

Дурбайло, АОГ - Невестка и деверь. АОГ АНМ. Комратский р-н, с. Авдарма, 1976. Информ. М. С. Саранди, 56 лет. Запись М. А. Дурбайло.

Колца, АОГ - Дочь старика и дочь старухи. АОГ АНМ. Комрат, 1959. Информ. А.С. Колца, 43 года. Запись Е.К. Колца.

Колца, АОГ - Клубок, мой клубочек... АОГ АНМ. Комратский р-н, с. Дезгинжа, 1959. Информ. Е. Кыналы, 24 года. Запись Е. К. Колца.

Колца, АОГ - Про ленивую жену. АОГ АНМ. Комрат, 1959. Информ. И.П. Йофчу, 59 лет. Запись Е.К. Колца.

Манов, 1938 - Манов А.И. Потеклото на гагаузите, техните обичаи и нрави. В 2 части. Варна, 1938.

Мошков, 1895 - Мошков В.А. Гагаузские тексты // Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском университете, 1895. Т. XIII. Вып. 2. С. 70-83.

Мошков, 1904 - Мошков В.А. Наречия бессарабских гагаузов // Образцы народной литературы тюркских племён, изд. В. Радловым. СПб., 1904. Часть X.

Рошияну, 1974 - Рошияну Н. Традиционные формулы сказок. М., 1974.

Стеблева, 1986 - Турецкие сказки / Сост., пер., вступ. ст., прим. И. В. Стеблевой. М., 1986.

Сырф, АОГ - Чорлан. АОГ АНМ. Чадыр-Лунгский р-н, с. Бешгиоз, 1994. Информ. Ф.Д. Градинарь, 68 лет. Запись В.И. Сырфа.

Танасоглу, 1959 - Буджактан сеслйр. Литература йазылары / Хазырл. Д. Танасоглу. Кишинёв, 1959.

Чеботарь, 1998 - Гагаузские народные сказки / Сост. и пер. с гаг. П. Чеботаря. Кишинёв, 1998.

Чимпоеш, 1997 - Чимпоеш Л. С. Дастанный эпос гагаузов. Кишинёв, 1997.

Baboglu, 1997 - Baboglu N., Baboglu I. Gagauz literaturasi. Hrestomatiya VIII-ci - IX- cu klaslr için. Chişinău, 1997.

Sârf, 2001 - Sârf V. Povestea fantastică găgăuză: Autoref. Tezei de doctor în filologie. Chişinău, 2001.

Zajaczkowski, 1966 - Zajaczkowski W. Język i folklor Gagauzow z Bulgarii. Krakow, 1966.

Гагаузские народные сказки читайте на сайте Serin.Su